

Ливанова Раиса Юрьевна

ФОРМИРОВАНИЕ СОЗНАНИЯ ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ Л. ТОЛСТОГО "ДЕТСТВО"

Статья посвящена повести Л. Толстого "Детство". В данной работе предпринята попытка применить феноменологический аспект к анализу представленной повести. Речь пойдёт о становлении сознания и личности героя, его детских воспоминаниях, переживаниях, рассуждениях о своей жизни, осознании себя, своего характера и других аспектов. Особое внимание уделено выявленным аспектам феноменологической прозы, на основе которых проведено исследование в данной статье.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 44-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE MOTIVE OF TRANSFORMATION IN SIBERIAN LEGENDS: STRUCTURE AND CLASSIFICATION

Kolomakina Bella Aleksandrovna

*Budker Institute of Nuclear Physics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk
albagira@mail.ru*

In the article the grounds for identifying special textual complexes – “related transformations”, obtained as a result of the analysis of the Buryat and Yakut epic tales, are given. According to the proposed classification by the type of relationship between the participants (subject/object of transformation), these textual complexes are divided into two types: 1) the related transformations of inequitable and 2) equitable actors. Each type of related transformations is characterized by the peculiarities of the internal structure, the way of correlation of the goals of the transformation of actors (identity or opposition), as well as the certain function in the text (compositional or artistic).

Key words and phrases: mythology of Siberia; heroic legends (epos); the Buryats; the Yakuts; text structure; motive of transformation.

УДК 82.3

Статья посвящена повести Л. Толстого «Детство». В данной работе предпринята попытка применить феноменологический аспект к анализу представленной повести. Речь пойдёт о становлении сознания и личности героя, его детских воспоминаниях, переживаниях, рассуждениях о своей жизни, осознании себя, своего характера и других аспектов. Особое внимание уделено выявленным аспектам феноменологической прозы, на основе которых проведено исследование в данной статье.

Ключевые слова и фразы: Толстой; феноменологическая проза; герой; детство; становление сознания; детские воспоминания.

Ливанова Раиса Юрьевна

*Харбинский педагогический университет, Китайская Народная Республика
raisalivanova@mail.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ СОЗНАНИЯ ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ Л. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО»

Повесть Л. Толстого «Детство» в той или иной мере рассматривалась исследователями его творчества. Изучению данного произведения посвящено множество монографий, рецензий и критических статей. В монографии «Молодой Толстой» Б. М. Эйхенбаум замечает, что «изучение творчества Льва Толстого должно начинаться с его дневников» [11, с. 12]. Исследователь проводит анализ дневников молодого писателя, выявляя, что в них шла работа «над методологией самонаблюдения, как подготовительной ступени к художественному творчеству» [Там же, с. 13].

Л. Гинзбург в работе «О психологической прозе» писала так же, как и Эйхенбаум, о тесной связи дневников Толстого с его ранним творчеством [4].

П. В. Анненков заметил, что Толстой – один из немногих писателей того времени, кто обратился к теме детства и показал историю человеческой жизни глазами ребёнка [1].

Изучение темы детства является ключевым аспектом в нашей статье. Ранее нами уже была предпринята попытка рассмотреть в феноменологическом аспекте романы И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и В. Набокова «Другие берега». Юрий Мальцев в своей работе «Иван Бунин» уже определил роман Бунина как «феноменологический» [6, с. 305]. Нашей же задачей было попытаться на основании жанровой специфики романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева» предположить и выявить наличие в романе В. Набокова «Другие берега» аспектов феноменологической прозы. В данной работе предпринята попытка использования ранее полученных данных для анализа повести Л. Толстого «Детство».

Изучая «Другие берега» Набокова, мы полагаем, что в них присутствуют признаки феноменологической прозы. Во-первых, *сознание* понимается как личное мыслительное переживание, в котором субъект уясняет свое отношение к бытию. Во-вторых, единицей композиционного членения становится *фрагмент* – относительно завершенный момент воспоминаний, переживаний, размышлений героя-рассказчика. В-третьих, специфика повествования такова, что *повествователь и герой слиты неразрывно в едином контексте*. В связи с этим намечается *двойное время*: настоящее героя-ребенка и прошлое рассказчика, прожившего полвека; *двойное пространство*: Рождествено, Выра, Петербург – в воспоминаниях о прошлом, о детстве, европейская эмиграция – в настоящем; но в сознании рассказчика они сливаются, между ними нет непроходимой границы. «Набоковский читатель видит, что рефлексия разделяет “я” повествователя на две части – одну наблюдаемую, другую наблюдающую» [8, с. 480].

За основу предпринятых исследований были взяты философские учения Гуссерля и его ученика Хайдеггера, а также других ученых, которые непосредственно применили методологию феноменологии к литературоведению. Гуссерль считал, что феноменология – это ключ к познанию сущности вещей, он не разделял

мир явление и сущность. Анализируя сознание, Гуссерль исследовал субъективное познание и его объект одновременно. Для феноменологии Гуссерля не существовало дуализма «внешней» и «внутренней» реальности. Объект – это активность самого сознания; форма этой активности – интенциональность [3, с. 424]. При изучении аспектов феноменологической прозы были выделены следующие компоненты: философские вопросы бытия (вечности, жизни и смерти, сознания), «первичной интуиции», а также «двойное время» и «двойное пространство».

Гуссерль считал, что общий принцип, которому следует человек, – это осознание окружающей действительности: материальных вещей, людей, технических и литературных созданий. Хайдеггер изучал человеческое сознание и бытие. Наша задача состоит в том, чтобы обнаружить, как повлияла окружающая действительность на проявление сознания у героя повести Л. Толстого.

Начало повествования показывает становление сознания героя, его пробуждение. Герою обидно от того, как по отношению к нему повёл себя учитель, он испытывает чувство несправедливости. Считает, что, раз он маленький, поэтому учитель его и мучает, заставляя проснуться. В этом фрагменте важно другое: маленький герой от чувства злости на учителя переходит к чувству стыда за свои плохие мысли о нём, понимая, как сильно любит его учитель.

Похожий фрагмент можно выделить в главе XIII, посвященной Наталье Савишне, экономке матери. В конце главы герой рассказывает о своих чувствах, когда экономка поймала его и стала ругать: *«Как! – говорил я сам себе <...> захлёбываясь от слёз. – Наталья Савишна, просто Наталья, говорит мне ты, и ещё бьёт меня по лицу мокрой скатертью, как дворового мальчишку»* [10, с. 63]. И затем, когда экономка стала просить прощения и извиняться, угостив конфетами, маленький герой пишет о чувстве стыда за свои мысли, за то, что взрослая женщина просит прощения у маленького барина: *«...у меня не доставало сил взглянуть в лицо доброй старушке; я <...> принял подарок, и слёзы потекли ещё обильнее, но уже не от злости, а от любви и стыда»* [Там же]. Эти фрагменты показывают, что герой осознаёт себя как личность, с ростом чувства собственного достоинства, любви и стыда.

Важным фрагментом в начале повествования является выдуманный сон героя, который впоследствии, в конце повести, становится реальным. Здесь следует сказать о возможности через призму бессознательного угадывать будущее и предвосхищать события в жизни автора: *«Я сказал ему (Карлу Ивановичу), что плачу оттого, что видел дурной сон – будто татап умерла и её несут хоронить. Всё это я выдумал, потому что решительно не помнил, что мне снилось...»* [Там же, с. 7]; и дальше: *«мне казалось, что я точно видел этот страшный сон, и слёзы полились уже от другой причины»* [Там же]. Затем герой вспоминает свой сон и понимает его значение.

Другие ключевые аспекты феноменологической прозы – *вопрос о смерти и веры в бессмертие*. Тема смерти появляется практически в самом начале повести, и через всё повествование можно отследить её упоминание, пока в финале не происходит горе – умирает мать маленького героя.

В V главе в дом к герою приходит Гриша, юродивый. Его появление символично, по нашему мнению. Из повествования становится ясно, что некоторые люди считали его «загадочные слова» предсказаниями.

Данный фрагмент можно сравнить с эпизодом из романа Набокова «Другие берега», где герой предвосхищает события, видит в них символическое значение. Это момент, где повествователь рассказывает о невероятном случае левитации, когда мужики поднимали и трижды подкидывали отца вверх, и затем тут же повествователь вспоминает о смерти отца и как бы проводит параллель между этими двумя событиями. Набоков, по мнению Б. Бойда, «на самом деле предвосхищает определённый момент собственной жизни» [2, с. 16], то есть он знает события наперёд и показывает нам, читателям, что смертью всё не заканчивается, а отца уподобляет «внушительных размеров небожителем, которые в непринуждённых позах... парят... в звёздах» [Там же, с. 17]. В одном предложении переплетаются воспоминания ребёнка и взрослого: ребёнок видит отца, парящего в воздухе от незримых «качалщиков», а взрослый представляет тот момент своей жизни, который он переживёт позднее – «тот день, когда он будет смотреть на своего отца, лежащего в открытом гробу» [Там же, с. 16].

В конце XI главы герой заключает: *«Он (Гриша) <...> как вошел в наш дом, не переставал вздыхать и плакать, что, по мнению тех, которые верили в его способность предсказывать, предвещало какую-нибудь беду нашему дому»* [10, с. 53].

Мы полагаем, что все эти фрагменты говорят о предвещании приближающейся смерти матери Николеньки. Также и сама мать верила в предсказания юродивого: *«Насчет предсказаний <...> я тебе рассказывала, кажется, как Кириуша день в день, час в час предсказал покойнику папеньке его кончину»* [Там же, с. 31].

За обедом юродивый говорил сам с собой: *«Жалко!.. улетела... улетит голубь в небо... ох, на могиле камень!..»* [Там же, с. 29]. Здесь следует обратить внимание на значение голубя как символа у разных народов мира. Славяне считали, что душа умершего превращается в голубя. В Библии голубь является третьей Ипостасью Троицы – Святым Духом. Вероятно, через этот символ автор хотел показать предстоящие события смерти. В конце XXVI главы мать героя умирает от болезни в страшных муках.

Финал автор посвящает ещё одному фрагменту, который связан с *темой смерти*. Именно через смерть во многом проверяется истинная внутренняя сущность героев. Наталья Савишна не только не боится смерти, но совершенно побеждает ее власть: *«Она оставляла жизнь без сожаления, не боялась смерти и приняла ее как благо <...> она умирала с непоколебимою верою и исполнив закон Евангелия. Вся жизнь ее была чистая, бескорыстная любовь и самоотвержение»* [Там же, с. 154]. В своей книге «Что есть истина?» А. Тарасов также отмечал, что через образ Натальи Савишны Толстой «открыл высшую правду жизни, смысл которой не могла поколебать даже смерть <...> И эта правда – христианская непоколебимая вера и исполнение “закона Евангелия”» [9, с. 77].

Другим аспектом феноменологической прозы, который был выявлен в ходе исследования повести, является *вопрос о Боге и вере*. XII глава посвящена Грише. В ней герой рассказывает о том, как молился юродивый. Он носил вериги. Это металлические кандалы, которые аскеты носили для укрощения плоти, страстей и похотей. Они имели большой вес, в повести мать героя говорит о том, что вериги, которые носил Гриша, весят два пуда. Герой и другие дети из любопытства пошли в комнату Гриши посмотреть на них. В главе подробно описываются действия и молитвы юродивого. В конце герой переносит своё повествование в настоящее и заключает: *«Много воды утекло с тех пор, много воспоминаний о былом потеряли для меня значение и стали смутными мечтами, даже и странник Гриша давно окончил свое последнее странствование; но впечатление, которое он произвел на меня, и чувство, которое возбудил, никогда не умрут в моей памяти»* [10, с. 56]. Детское любопытство переходит в другие ощущения, герой вместо веселия и смеха чувствует «дрожь и замирание сердца». Фигура юродивого, обстановка в комнате, чулан, в котором прятались дети, и сами молитвы, которые произносил Гриша, его неподдельное общение с Богом, – всё это открывает маленькому герою совсем иной мир, существенным образом влияющий на его сознание и душу, и приводит к чувствам удивления, жалости и благоговения. Благодаря Грише и его неподдельной вере взрослый рассказчик смог вспомнить те детские чувства и эмоции, которые он ребёнком испытывал, тайно наблюдая за молитвой юродивого.

Данная повесть является произведением автобиографическим. Известно, что Толстой изучал богословие, беседовал с монахами и священниками и сам был религиозным человеком. Во многих своих произведениях он затрагивал *вопросы веры в Бога*, религии и праведничества, которые, по нашему мнению, также являются аспектами феноменологической прозы. Такой интерес к религии был не случаен: в своём детстве Толстой не раз наблюдал, как в дом приходили разные люди, непохожие на других. Их мимика и речь отличались от обычных людей. В России XIX века ходило много людей, которых называли *«странниками»* или *«юродивыми»*. Обычно к ним относились с почтением, верили в их способность предсказывать, считали их *«божьими посланниками»* и принимали в своих домах. Благодаря своим детским воспоминаниям автор творчески воссоздал данный фрагмент из жизни реальной в своей повести. В доме Толстого также жила праведница экономка Прасковья Исаевна, которая стала прототипом Натальи Савишны из повести *«Детство»* [9, с. 75].

Для героя повести очень важен образ родителей, посредством которых к нему приходит осознание себя. С родителями связаны самые тёплые и лучшие воспоминания.

В повести *«Детство»* благодаря матери герой узнаёт себя, посредством воспоминаний о ней автор возвращается в детство. Повествователь воскрешает *«в воображении черты любимого существа»*, рисуя её портрет: *«мне представляются только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шее, немного ниже того места, где вьются маленькие волосики, шитый белый воротничок, нежная сухая рука, которая так часто меня ласкала и которую я так часто целовал»* [10, с. 14].

Взрослый повествователь передаёт свои чувства: *«Если бы в тяжёлые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе»* [Там же, с. 16].

Благодаря матери юный герой также узнаёт Бога. В главе XV Николенька рассказывает о своей неразрывной связи с матерью, о своей любви к ней и Богу и единому чувству, в которое он испытывал к двум этим существам. О том, как они вместе молились и какие чувства испытывал сам герой после молитвы. В заключение главы взрослый рассказчик спрашивает, куда со временем девались те горячие молитвы и слёзы умиления, и неужели жизнь оставляет лишь воспоминания.

Сквозь художественное повествование проступает облик биографического автора и его реальные воспоминания. Здесь мы можем выделить явные черты *«двойного времени»*: настоящее героя-ребёнка и прошлое рассказчика.

Глава X посвящена образу отца, его характеру и привычкам.

Мартин Хайдеггер считал, что человек обречён на *«неподлинную жизнь»* [5, с. 35], он утрачивает себя и свою индивидуальность, личность в чужом ему обществе, вынужден подражать и вести такую же жизнь и такое же существование, как и другие индивиды. В романах воспитания, в период становления сознания и личности, герои часто подражали своим друзьям или же, наоборот, пытались бороться с привычной системой быть такими же, как все.

Так, в *«Детстве»*, вследствие отношений с окружающими людьми, герой взрослеет, его сознание меняется. Благодаря событиям, происходящим с героем, он понимает важные проблемы дружбы, любви и совести. Но в каждой главе появляется повествователь, который с высоты прожитых лет даёт оценку своему детскому поведению, анализирует свои детские чувства и поступки. В XIX главе повествователь рассказывает о своей дружеской любви и привязанности к мальчику Серёже, которого маленький герой уважал, боялся обидеть, *«страх огорчить его, оскорбить чем-нибудь, не понравиться ему...»* [10, с. 94].

Герой вспоминает, что, помимо Серёжи и его братьев, в дом к ним приходил ещё один мальчик, сын бедного иностранца – Илинька Грап, казавшийся маленькому герою *«таким презренным существом, о котором не стоило ни жалеть, ни даже думать»* [Там же, с. 99]. Взрослый повествователь уже по-другому интерпретирует характер Илиньки: он был *«очень услужливый, тихий и добрый мальчик»* [Там же].

Повествователь вспоминает один эпизод их своего детства, когда дети решили насильно привлечь Грапа в свою игру, из-за чего несчастный ребёнок, сопротивляясь, случайно ударил ногой Серёжу в глаз, за что и был побит им. Здравый смысл проступил в мыслях маленького героя, он спросил Серёжу, зачем тот побил Грапа. Сергей ответил, что он не плакал, когда раньше разбил ногу до кости. И герой заключил, что Илинька – плакса, а *«вот Сережа – так это молодец...»* [Там же, с. 102]. Взрослый повествователь задаёт вопросы, пытается найти

объяснение своему поступку и своему детскому непониманию трагедии данной ситуации: «Я не сообразил того, что бедняжка плакал, верно, не столько от физической боли, сколько от той мысли, что пять мальчиков, которые, может быть, нравились ему, без всякой причины, все согласились ненавидеть и знать его» [Там же].

Подражание в поведении и желание быть похожим на Серёжу привело к тому, что взрослый повествователь не находит оправдания «жестокости своего поступка» и спрашивает сам себя: «Как я не подошел к нему, не защитил и не утешил его (Грапа – Л. Р.)? Куда девалось чувство сострадания, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыд при виде выброшенного из гнезда галчонок или щенка, которого несут, чтобы кинуть за забор, или курицы, которую несет поваренок для супа?» [Там же]. В самом конце главы автор рассуждает, что присущее ему чувство сострадания было заглушено чувством любви к Серёже, желанием ему подражать, быть похожим на него, и что чувства эти оставили в детской памяти лишь негативные воспоминания.

В этом произведении очевиден один из важнейших аспектов феноменологической прозы – «первичная интуиция»: «Мамап часто играла эти две пьесы, поэтому я очень хорошо помню чувство, которое они во мне возбуждали. Чувство это было похоже на воспоминания; но воспоминания чего? казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было» [Там же, с. 50]. Здесь явные признаки «первичной интуиции», о которой говорил Бергсон. Он утверждал, что память и сознание – это одно целое, которое содержит в себе огромное количество информации из прошлых поколений. Бергсон считал, что любое действие, совершаемое в настоящем, – это неотъемлемая часть прошлого. Таким образом, по мнению Бергсона, человеческое сознание и память хранят информацию прошлых поколений [7, с. 63].

Беспредельная «потребность в любви» – это характерный признак внутреннего состояния героя в период детства. Всё произведение Толстого – это повествование о любви героя к самым разным людям: к учителю, Карлу Иванычу, *татап*, *папа*, к брату Володе, Наталье Савишне, Катеньке, Серёже Ивину, Сонечке. Любовь к каждому имеет свои оттенки, но для автора важным является то, что чувство и наличие потребности в любви является центральной и определяющей человека. Через ощущение любви происходит становление героя, его сознания и чувств.

В главе III маленький герой узнаёт, что их с братом скоро увезут учиться в Москву. На столе отца герой увидел письмо, с расчётом предназначенное для Карла Иваныча. Он понимает, что тогда уволят любимого учителя, придётся расстаться с любимым домом, матерью и любимыми людьми, которые останутся в доме. Николенька испытывает чувство жалости и страха за любимого учителя, он понимает, что готов учиться на нелюбимых уроках, лишь бы не обижать учителя и не расставаться с *татап*.

Наталья Савишна – ещё один важный человек в жизни маленького героя, благодаря которой он узнал, что такое самопожертвование и настоящая любовь к людям и богу. В конце произведения повествователь говорит о том, что умирала Наталья Савишна без боли и страха смерти, так как была человеком с непоколебимую верою, и что вся жизнь её была чистой и бескорыстной любовью.

Первое чувство любви маленький герой испытал к девочке Катеньке, дочери гувернантки. В IX главе дети играли на природе, во время наблюдения за червяком Николенька поцеловал Катеньку в плечо, она никак не отреагировала, но герой заметил, как покраснели её шея и уши. Герой и раньше испытывал любовь ней, но с момента поцелуя стал более внимательно присматриваться к Катеньке и полюбил её ещё больше. В другом фрагменте, когда дети, сидя тайком в чулане, смотрели на вериги молящегося Гриши, Николенька поцеловал руку девочки.

В XX главе происходит знакомство с девочкой Сонечкой, чей вид произвёл очень сильное впечатление на маленького героя. Впервые Николенька не испытал чувство удовольствия от встречи с Серёжей, наоборот, появилась грусть от того, что он (Серёжа) увидит Сонечку. Чувство дружеской любви к мальчику Серёже переросло в ревность и соперничество из-за влюблённости в девочку. В начале XXIV главы Николенька размышляет о том, как он мог так сильно любить Серёжу, который не ценил его любовь и не был её достоин. Позже Николенька делится своими эмоциями и чувствами с братом, который тоже влюбился в Сонечку. Они разговаривают о ней и о своей любви, о том, как бы они проявляли свои чувства по отношению к ней и что бы делали для неё. Практически всё повествование главы насыщено подробным описанием чувств, эмоций и счастья от любви героя к Сонечке.

Итак, в ходе исследования нами было установлено, что в повести Л. Толстого присутствуют философские вопросы бытия (вечности, жизни и смерти, сознания), «первичной интуиции», пограничные темы и аспекты, а также такие понятия как «двойное время» и «двойное пространство»; раскрыта тема любви, которая также позывает этапы становления сознания героя, его чувств и эмоций. В данном произведении в полной мере раскрываются особенности человеческого сознания, ума и памяти, способность мыслить и рассуждать, любить и ценить окружающий мир и людей. Все эти аспекты позволяют отнести повесть Л. Толстого «Детство» к феноменологической прозе.

Список источников

1. **Анненков П. В.** Граф Л. Н. Толстой [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/annenkov/annenkov_gr_1_n_tolstoy.html (дата обращения: 24.05.2017).
2. **Бойд Б.** Владимир Набоков: русские годы: биография / пер. с англ. СПб.: Симпозиум, 2010. 696 с.
3. **Введение в литературоведение. Хрестоматия:** учеб. пособие / сост. П. А. Николаев, Е. Г. Руднев, В. Е. Хализев и др. М.: Высш. шк., 2006. 463 с.
4. **Гинзбург Л. Я.** О психологической прозе. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1971. 922 с.

5. Долгов К. М. Феноменологическая онтология Мартина Хайдеггера и искусство // Феноменология искусства. М., 1996. С. 22-53.
6. Мальцев Ю. В. Иван Бунин: 1870-1953. М.: Посев, 1994. 432 с.
7. Новиков Ю. Ю. Концепция времени в философии А. Бергсона // Пространство и время. 2011. № 1. С. 63-67.
8. Романова Г. Р. Время – Память – Сознание в автобиографических книгах В. Набокова // Дальний Восток: наука, образование. XXI век. Комсомольск-на-Амуре, 2003. С. 468-486.
9. Тарасов А. Что есть истина? Праведники Льва Толстого. М.: Языки славянской культуры, 2001. 176 с.
10. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
11. Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой. Петербург – Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 156 с.

FORMATION OF THE MAIN CHARACTER'S CONSCIOUSNESS IN LEO TOLSTOY'S STORY "CHILDHOOD"

Livanova Raisa Yur'evna

Harbin Normal University, People's Republic of China
raisalivanova@mail.ru

The article is devoted to Leo Tolstoy's story "Childhood". An attempt is made to apply the phenomenological aspect to the analysis of the presented story. The paper deals with the formation of the main character's consciousness and personality, his childhood recollections, experiences, reasoning about his life, awareness of himself, his character and other aspects of his childhood. Special attention is paid to the identified aspects of phenomenological prose on the basis of which the study in this article is conducted.

Key words and phrases: Tolstoy; phenomenological prose; character; childhood; formation of consciousness; childhood recollections.

УДК 821.161.1

В статье исследуется воздействие образа Нигяр ханум на образы героических женщин современной азербайджанской поэзии (Томрис, Сара хатун, Нигяр ханум, Хаджар и др.), затрагиваются мотивы мужества, храбрости, верности, анализируется тема эмансипированности тюркских женщин и семантика женских образов, ставших героинями народных эпосов. Главное внимание уделено Нигяр ханум как супруге главного героя эпоса «Короглы». Она изображается независимой в своих действиях и рассуждениях, свободно и открыто выражает свои мысли и желания, смело отстаивает свою свободу. Автор приходит к выводу, что Нигяр ханум олицетворяет образ сильной женщины, борющейся за справедливость, и защищает не только себя, но и всех обитателей Ченлибеля.

Ключевые слова и фразы: азербайджанская поэзия; эпос «Короглы»; Нигяр-ханум; герой; образ; поэзия.

Мамедов Низами Мурад оглу, к. филол. н., доцент

Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку
matlabm@yandex.ru

ОБРАЗ НИГЯР ХАНУМ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ

Введение. Как известно, образ супруги Короглы Нигяр ханум является одним из главных в эпосе «Короглы». Своей честностью, храбростью и героизмом Нигяр ханум становится на защиту справедливости, она стала верной соратницей главного героя эпоса. Профессор Е. Исмаилова детально исследует этот образ и отмечает: «В эпосе есть ряд завершенных женских образов. Среди них большое внимание привлекает образ Нигяр ханум. Если присмотреться внимательно, у Нигяр ханум в Ченлибеле статус на уровне Короглы. Как Короглы является предводителем всех соратников-сорвиголов (*храбрецов* – прим. Н. М.), так и она словно глава всех женщин. Однако влияние Нигяр ханум не измеряется лишь этим. Она также является одной из старейшин Ченлибеля. Это ярко проявляется в различных эпизодах эпоса» [8, с. 135].

Основной материал. При исследовании происхождения образа Нигяр ханум выясняется, что она дочь падишаха. Она была образованной в соответствии своему времени, культурной, храброй, умеющей скакать на коне, опоясавшись мечом, стрелять из лука, сражаться. Она полюбила Короглы за его храбрость и сохранила до конца свою верность и чистоту любви. Нигяр ханум – решительная женщина, она не стесняется даже указывать на некоторые ошибки Короглы, умеет смело высказать свое мнение, превращается в любимицу всех соратников-сорвиголов и женщин. Нигяр ханум добивается этой любви и подобного отношения своим умом, тем, что является сторонницей истины и справедливости. Образ Нигяр ханум символизирует высоту любви, храбрость, мужество тюркских женщин, доверие соратников и всех обитателей Ченлибеля; своей прямоотой и честностью она завоевывает доверие всех, от мала до велика. Именно этими и другими качествами образ Нигяр ханум во все времена привлекал внимание, появилось множество преданий, посвященных с этим образом.

В азербайджанской поэзии периода независимости образ честной и героической женщины связан в первую очередь с именем Нигяр ханум. Своей верностью, мужеством, нацеленностью на борьбу, честностью и героизмом ее образ становится символом азербайджанской женщины. Первоначально рассмотрим следующий вопрос: почему образ Нигяр настолько любим всеми? Кто такая Нигяр?